

XОРОШО помню, как двадцать лет назад она выходила на нашу университетскую сцену, очень непосредственная, немножко угловатая, и, не зная, куда девать руки, пела песенки своего детства — французские, польские... Скоро угловатость исчезла — и мы узнали изящную, удивительно женственную и умную певицу со своей темой в искусстве. Сейчас народная артистка республики Эдита Пьеха открывает новую страницу в своей актерской биографии.

...От имени читателей «Смены» поздравляю хозяйку дома с недавним присуждением высокого звания. Благодарю улыбнувшись, она приглашает располагаться за журнальным столиком для заранее оговоренной беседы. Присаживается рядом: «Ну, что ж, начнем!»

— Мы знаем, Эдита Станиславовна: ваши выступления в составе ансамбля «Дружба» завершились. Отныне вы начинете иной путь в искусстве, с новым коллективом. Чем это вызвано?

— В жизни ничего не происходит случайно, внезапно. Все

имеет подготовку, созревает, а потом наступает скачок, переход в другое качество.

Уже давно я ощущала недовольство собой. За плечами все-таки — двадцать лет с

песней, в которую я верю свято. На языке песни все эти

годы общалась с моими слушателями. Песня для меня —

это способ открывать жизнь, понимать ее, делиться с людьми о пережитом, утверждать свою позицию. И с годами по-

нятие «солистки ансамбля «Дружба» становилось мне, ну что ли, тесным. Потому что

песней я жила с утра доночи, а ведь «солистка» — это

значит просто выйти на сцену, как на дежурство, спеть

три песни, вернуться домой и

далее заниматься своими де-

лами. У меня же давным-дав-

но все совсем не так, уже дав-

но, повторю, в песне — вся

моя жизнь. Все, кроме песни,

отступает на второй план... Да-

же, когда очень устаю, слушаю

пластинки с записями любимых

исполнителей. Только не могу

слушать музыку в отпуске. За

отпуск я должна по музыке

немножко «изголодаться».

— Где же можно так отдох-

нуть, чтобы совсем не слышать

песен?

— Есть в Карпатах такое ме-

стечко — Путила. Там высокие горы, быстрые речки, в которых играет форель, и хатки, далеко разбросанные

одна от другой... Тишина благословенная, и я берегу эту

тишину, потому что она дает

мне силы, чтобы потом опять

искать себя в песне.

— Выше вы упомянули, что

дома, когда есть настроение,

слушаете записи любимых ис-

полнителей. Кого же именно?

— Пожалуй, все-таки не

только любимых. Вообще, по-моему, быть любимым для

всех невозможно: ни один артист не является «солнышком», и всех не обогреешь... Кого же я люблю слушать больше всего? Вот закрываю глаза — и Клавдия Ивановна Шульженко — своей не очень-то «современной» манерой доносит до моего сознания, до моего сердца те краски, те полутона чувств, которые способен по-

дарить далеко не каждый. С

самого начала она была для

меня каким-то идеалом, и по

сей день остается такой, и не

только как певица, но и как

человек. Преклоняюсь перед

ею мужеством женщины, перед

невероятным желанием оста-

ваться всегда молодой: ведь

её голос не постарел ни на

капельку, и, наверное, сердце

ее и душа остались тоже та-

кими же молодыми... А вот

Людмила Георгиевна Зыкина

для меня — словно поклоний

орган...

Из зарубежных исполнителей

особо выделяю замечательную

французскую певицу Барбру —

своим тональным го-

лоском, какими-то невероятно

настальными красками она ра-

сует целые картины... К фран-

цузской песне я вообще нерав-

нодушна: ее интеллигентность,

тонкость, великолепные сти-хии

— все это меня всегда вол-

новало и трогало. Очень люблю

тихонечко заводить пла-

стинку, на которой «Жизнь в

розовом свете» Эдит Пиаф —

входила на небо окольными путями. И вот, наконец, мы услышали ее «Арлекино», ее песни в фильме «Ирония судьбы...». Точно так же, когда в шестьдесят восьмом на фестивале в Софии впервые встретила Сонечку Ротару, подумала: какой удивительный голос! Прошло три-четыре года — и первая премия на фестивале «Золотой Орфей»! Так что мои предсказания сбываются.

— Талантливому исполнителю, верно, и слушатель необходи-м талантливый. Я имею в виду совсем не избранность, не «элитность», а то, чтобы люди в зале не были просто бездумными потребителями песенной продукции. Лишь мно- го очень тревожит именно потребительское отношение к песне, особенно распространенное среди молодых. Если раньше молодые собирались в компании у стареньких пианино, если раньше парни и девушки любили и умели петь, даже — на два голоса, то сейчас в лучшем случае песни звучат под гитару, самодельные, далеко не лучшего вкуса.

ВЫБИРАЕМ
СОБЕСЕДНИКА

— С возрастом мечты стали другие... Сейчас мне бы очень хотелось, чтобы я не просто выходила на сцену и пела песни одну за другой, а чтобы играла в каком-то песенном спектакле, построенным на разных мелодиях, даже совсем забытых... Однажды в Варшаве, в театре «Атенеум», я смотрела спектакль «Пусть только засветят яблони» — и вдруг на сцене зазвучали песни, которые я пела еще девочкой. И, казалось бы, совсем не сентиментальная дамочка, я заплакала... Потому что в этих песнях — кусочки моей судьбы... Вот если бы такой спектакль можно было сделать у нас, в Ленинграде.

— Замечаете ли вы, как вместе с вами меняются и ваши песни?

— Конечно, потому что песни — это годы, это мудрость, это умение понимать жизнь. Все мои девичьи волнения по поводу встречи с прекрасным я передавала в песнях просто

где все время отдаешь себя песне, голос хочет молчать. Но душа, каждый нерв поют. Вот засыпаю, а в мозгу все равно крутится песня. Иногда — как-нибудь совсем забытая...

— Кстати, возвращаясь к старым песням, «осовременивать» их, стало ныне модным. Увы, далеко не всегда это делается тактично...

— Для того, чтобы спеть песню иначе, чем раньше, чтобы ее «омолодить», надо уметь очень много. Когда молодые мальчики берутся за песни, которые нам очень дороги, которые — словно памятники, ибо за каждой — эпоха, — и вдруг начинают их исполнять дерзко и неуважительно, это оскорбляет...

Навсегда врезались в память слова директора школы, который мне сказал на прощание: «Запомните в жизни одно правило. Клубнику можно подать человеку на грязной руке, а можно — на блюдечке, и разница во вкусе будет очень большая». Так же, наверное, и с песнями, и тут надо быть

— Да, мертвый... Давно я дружу с ансамблем скрипачей Большого театра. И вот как-то его руководитель Юлий Маркович Реентович пригласил меня на концерт в Филармонию. Казалось бы, простая вещь: стоят и играют без микрофонов, а в душе вдруг все переворнулось — я услышала живой звук! И от этого живого звука, от этой благословленной тишины — мороз по коже. Вышла с концерта счастливейшим человеком.

— Есть ли в вашем репертуаре песни, которые выделяете для себя особо?

— Нынче в свой отпуск я поехала в студенческие стройотряды. И вот в двухстах километрах от города Горького, в поселке Шатки, вдруг узнаю, что там на деревенском кладбище похоронена Таня Савичева. Пионеры-следопыты разыскали ее могилу. С друзьями пришла я к этой могиле и, стоя там, пережила целую песню.

Покидая кладбище, знала, что песня будет обязательна, и сегодня она уже есть — на слова Виктора Гина, на музыку Евгения Дога: «Моя землячка, Савичева Таня, прости, что не пришла к тебе с цветами, не знала, что тебя я встрету здесь, где спрашиваю — лес, и слева — лес. И эти строки на твоей могиле меня огнем блокады опалили...»

Такие песни, которые выстраданы мною самой, занимают, конечно, место особое. Но есть и другие, тоже дорогие мне, — их получала и получаю в подарок от авторов: например, «На кургане» Андрея Петрова и Юлии Друниной — в этой песне вижу свою юность. Или цветаевская «Горечь». Или совсем новая песня «Верни мне лето» на слова Риммы Казаковой — о поздней любви, которая пришла к женщине (скоро ее услышите в фильме «Стажер»). Или «Огромное не-бо». Я пою: «Стрела самолета рванулась с небес, и вздрогнул от взрыва березовый лес...» — дальше пауза, и я тяну ее, кажется, целую вечность, и когда тишина в зале становится просто узенящей, продолжают: «Не скоро поляны травой за-растут, а город подумал: «Ученые идут...» Пять тысяч в зале, и никто не вздохнет, все в плену песни... В такое мгновение чувствуешь себя самой счастливой.

— Вернемся к началу нашей беседы. Итак, Эдита Станиславовна, совсем скоро вы выйдете на эстраду с новым коллективом. Как сами считаете: вы встретитесь со слушателями уже в новом качестве?

— Пожалуй, «качество» всегда останется прежним, но, как пелось в известной песне Фрадкина: «Вот и стали мы на год взрослой...». Конечно, шаг трудный, ведь я рассталась с «Дружбой», где проработала столько лет.

Сейчас создан новый коллектив, по-моему, очень удивительный, под руководством Григория Клеймица — человека Большого трудолюбия и скромности. Наш ансамбль не имеет названия и это тоже совсем не случайно: мне неприятно, когда в афиши значится «Вокально-инструментальный ансамбль». Это, по-моему, все равно, что на дорожном знаке обозначить цену. Если ты что-то действительно стоишь, то не надо объяснять, как ты называешься — это и так видно, без названия. Поэтому в нашей афиши будет указано просто: ансамбль «Ансамбль» — это значит «вместе», а наше кredo — не только вместе петь, но и идти к одной цели, быть ансамблем во всем...

Программа почти готова. В ноябре покажем ее в Сибири, потом — в Ленинградской области. Начнем именно с области, а там у меня есть город, к которому особенно неравнодушна — Сосновый Бор, потому что давно уже дружу с комсомольцами — строителями атомной станции. Так что именно к ним в первую очередь и приедем.

В БЕСЕДЕ Эдита заметила, что не любит, когда в концерте объявляют титулы и звания исполнителя. Она считает: зритель знает, к кому пришел, потому что ему нужен именно ЭТОТ артист, именно эта человеческая личность, а звания и титулы — вещь уже вторичная. Во всяком случае, актриса верит, что у нее — такой зритель... Наверное, она права.

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото Ю. Белинского (ЛентАСС)

«МОИ ПЕСНИ — ЭТО СУДЬБЫ»

На вопросы
корреспондента «Смены»
отвечает
народная артистка РСФСР,
лауреат премии
Ленинградской
комсомольской организации
Эдита ПЬЕХА

А в основном в компаниях люди довольствуются магнитофонными записями. Не участвуя в жизни песни, люди ее просто потребляют.

— Мне это тоже больно. Многие объясняют подобную ситуацию ритмом двадцатого века, когда все спешат, торопятся и, в частности, некогда разучить даже слов новой песни, когда больше доверяют технике, а не личным чувствам.

— Простите, но модные сетования на двадцатый век и спешку, по-моему, чаще всего характерны именно для тех, кому вообще спешить некуда. Отговорка для ленивых...

— Пожалуй, вы правы... Людям становится достаточно информации, которую они получают с экрана телевизора, этот же экран подчас заменяет им и театр, и концертный зал... Люди сами себя обкрадывают, не замечая порой, что в окружении магнитофонов и телевизоров их интересы становятся менее глубокими... И когда встречаются, то нет споров, нет дуэли ума, нет песен, зато крутится этаким постоянным «музфоном» магнитофонная пленка. Если случайно оказывается в подобной компании, то испытываю стра-дание.

— Когда-то, в самом начале своего артистического пути, вы, помнится, мечтали получить из зрительного зала букет роз. И это случилось в Баку... Какая мечта, если не секрет, мучает вас сегодня?

— Илоне скоро шестнадцать. Учится в девятом классе.

— Тоже поет!

— Только для себя. Считает, что это ее хобби.

— Интересно, а вы, когда просто занимаетесь домашними делами, напеваете?

— Что вы, невозможн!

— Кстати, возвращаясь к старым песням, «осовременивать» их, стало ныне модным. Увы, далеко не всегда это делается тактично...

— Для того, чтобы спеть песню иначе, чем раньше, чтобы ее «омолодить», надо уметь очень много. Когда молодые мальчики берутся за песни, которые нам очень дороги, которые — словно памятники, ибо за каждой — эпоха, — и вдруг начинают их исполнять дерзко и неуважительно, это оскорбляет...

— Для того, чтобы спеть песню иначе, чем раньше, чтобы ее «омолодить», надо уметь очень много. Когда молодые мальчики берутся за песни, которые нам очень дороги, которые — словно памятники, ибо за каждой — эпоха, — и вдруг начинают их исполнять дерзко и неуважительно, это оскорбляет...